

Идея Учредительнаго Собранія въ исторіи политическаго самосознанія Россіи.

I. Деятнадцатый вѣкъ.

Декабристы: «якобинцы» и «демократы». Проекты Пестеля и Никиты Муравьева. — Шестидесятые годы: «Молодая Россія» и «Свобода». — Хилиастическія чаянія социальнаго перелома и «счастья» Россіи — въ отсталости ея политическаго развитія. — Проблески идеи Учредительнаго Собранія. — «Ближайшія задачи земства» И. И. Петрункевича. — Учредительное Собраніе, какъ пунктъ программы «Народной Воли». — Историческія заслуги и дефекты политической идеологии «Народной Воли». — Наслѣдники этой идеологии. — «Группа освобожденія Труда», и программы 1884 и 1887 гг.

Въ процессѣ социально - политическаго развитія Россіи идея Учредительнаго Собранія отчтливую формулировку и послѣдовательное обоснованіе получила сравнительно поздно. Можно сказать, что на протяжении всего девятнадцатаго столѣтія мы не встрѣчаемъ такой формулировки и обоснованія.

Самая мысль объ Учредительномъ Собраніи, не въ такихъ терминахъ выраженная, не чуждая противорѣчивыхъ признаковъ, предносилась, однако, уже нѣкоторымъ изъ декабристовъ.

Самый вліятельный и политически наиболѣе яркій среди декабристовъ — Пестель, "этотъ гениальный общественный дѣятель, далеко опередившій своихъ современниковъ въ Россіи", — по выраженію В. И. Семевского, — былъ чрезвычайно далекъ отъ идеи Учре-

дительною Собранію. Ничего общаго не имѣть съ этой идеей и проектъ республиканской конституціи, выработанный Пестелемъ и воспринятый Южнымъ Обществомъ.

Пестелевская "Русская Правда" и ея конспектъ — "Конституціи Государственный Завѣтъ" главныя свои надежды возлагають не на "Народное Вѣче", "въ которомъ обрѣтается вся законодательная власть", и не на "Верховный Соборъ", которому поручается "верховно-блюстительная власть" и который "не разсуждаетъ о сущности предметовъ, но смотритъ на одні формы". Основной рычагъ всей политической системы Пестеля — Временное Верховное Правленіе. Именно оно должно, ибо только оно можетъ, осуществить рядъ неотложныхъ и подготовительныхъ мѣръ, обезпечивающихъ новый порядокъ. "Прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго, а представительный соборъ не можетъ быть созванъ" немедленно, потому, что "начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ". Поэтому Временное Правленіе должно быть надѣлено диктаторскими полномочіями на восемь, десять, даже пятнадцать лѣтъ (1).

Проектъ конституціи, написанный Никитой Муравьевымъ и принятый Сѣвернымъ Обществомъ, исходилъ изъ заимствованнаго изъ испанской конституціи положенія: "Источникъ верховной власти — народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя" (Ст. 2-ая Проекта). "Право измѣнить Уставъ", т. е. конституцію, принадлежитъ не нормально-дѣйствующему законодательному собранію, — "народному вѣчу", а спе-

1) См. В. И. Семевского: «Политическія и общественныя идеи декабристовъ.» - СПб. 1909. - Стр. 508—510. См. также стр. 452, 463, 472 и др.

ціальнымъ народному (центральному) и державнымъ (областнымъ) "Соборамъ".

Вмѣстѣ съ Н. Муравьевымъ большинство членовъ Сѣвернаго общества отвергло предложенія Пестеля относительно диктатуры Временнаго Правленія. Такъ, Рылѣевъ полагалъ, что тайныя общества вправѣ только разрушить то правленіе, которое считаютъ "неудобнымъ для своего отечества". Тотъ же государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обоихъ обществъ, — самъ Рылѣевъ считалъ наиболѣе "удобнымъ для Россіи" областное правленіе сѣверо-американской республики при императорѣ, котораго власть не должна много превосходить власти президента штатовъ, — надлежитъ представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ проектъ. Введеніе его посредствомъ диктатуры Рылѣевъ считалъ "нарушеніемъ правъ народа".

Незадолго до возстанія фактическое руководство обществомъ перешло къ Рылѣеву и Трубецкому, съ одной стороны, и Серг. Муравьеву и Бестужеву-Рюмину, съ другой. Подъ ихъ вліяніемъ, какъ отмѣчаетъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, оба Общества склонились къ мысли о передачѣ вопроса о формѣ конституціи будущему первому собранію народныхъ представителей или великому земскому собору, по выраженію Рылѣева. Штейнгель составилъ проектъ манифеста о созывѣ собора, которому предполагалось предложить проектъ конституціи.

Но въ то время, какъ Южное Общество имѣло совершенно опредѣленный планъ: уничтожить династію и, при поддержкѣ возставшаго войска, провозгласить новую форму правленія, — Сѣверное Общество готово было ожидать личной переменны государя для того, чтобы отъ замѣстителя Александра I потребовать утвер-

ждения конституции (1). Н. Муравьевъ на допросъ показаль, что онъ допускаль даже возможность "достигнуть нашей цѣли посредствомъ одного только общаго мнѣнія".

Какъ противоположеніе "якобинскимъ" взглядамъ Пестеля и его единомышленниковъ, воззрѣніе Н. Муравьева, Рылѣева и другихъ несомнѣнно болѣе близко началамъ народоправства и народовластія. Но само по себѣ это воззрѣніе, какъ программное требованіе и какъ методъ дѣйствій, сочетавшее необходимость переворота и его освященія народнымъ вотумомъ съ возможностью утвержденія конституціи царемъ; примирявшее народовластіе съ принципами монархизма и сословной "аристокраціи"; подраздѣлявшее народъ на русскихъ, къ которымъ причислялось все населеніе Россіи въ цѣломъ, и гражданъ, которые надѣлялись политическими правами, возраставшими въ мѣру роста имущественнаго ценза "гражданъ",—такое полное непослѣдовательности и противорѣчій воззрѣніе является характернымъ для перваго оформленія политическаго самосознанія Россіи, начала 19-го столѣтія.

Всѣ декабристы — и республиканцы, и монархисты, и "якобинцы", и "демократы" — были одинаково преданными конституціоналистами, горячими патріотами и искренними народолюбцами, готовыми не только на личныя жертвы свободой и жизнью, но и на сословныя и имущественныя жертвы въ интересахъ народа для народа. Но для того, чтобы стать на почву подлиннаго и послѣдовательнаго демократизма, чтобы признать начало осуществленія всего черезъ народъ,—одни изъ декабристовъ должны были бы отказаться отъ своихъ надеждъ на "Временное Правленіе", другіе — отъ своей вѣры въ "верховную власть".

1) См. М. В. Довнаръ-Запольскаго: «Идеалы декабристовъ.» М. 1907.— Стр. 315—316.

Послѣ ликвидаціи движенія декабристовъ политическое развитіе Россіи застопорилось на рядъ десятилѣтій. Въ теченіе всего періода царствованія Николая I исключена была всякая возможность проявленія свободной политической мысли. Только съ начала шестидесятыхъ годовъ получаютъ снова свое литературное выраженіе слабыя проблески признанія началъ демократизма и связанной съ нимъ идеи Учредительнаго Собранія. Эти первые проблески единичны, случайны, сбивчивы и не достаточно популярны даже въ томъ кругу, гдѣ они время отъ времени появляются.

Вышедшая въ 1862 г. изъ кружка Зайчневскаго прокламація "Молодая Россія", бывшая, по свидѣтельству В. Я. Богучарскаго (1), "самымъ крупнымъ проявленіемъ революціоннаго настроенія въ Россіи" до 1866 года, содержала въ себѣ лишь слѣдующія малоопредѣленные строки: "мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній". Національное Собраніе, "составленное изъ выборныхъ всей земли русской, должно собираться въ столицѣ" (2).

Политическій смыслъ высказаннаго здѣсь умаляется еще тѣмъ предложеніемъ, которое авторы прокламаціи дѣлають "революціонной партіи", рекомендуя ей — "захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Націо-

1) В. Богучарскій: «Активное Народничество семидесятыхъ годовъ.» — М. 1912. — Стр. 53.

2) См. «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг.» — Русская историческая бібліотека. № 5. Второе приложеніе къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи,» издающимся подъ редакціей Б. Базилевскаго. — Paris, 1903. — Стр. 60—61.

нальное Собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас-же и позаботится, чтобы въ составъ ея не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы).“.

Нѣсколько болѣе опредѣленно высказывается по тому же вопросу воззваніе "Свобода" № 1, появившееся въ 1863 г. и перепечатанное Герценомъ въ № 164 "Колокола". "Торжество народныхъ интересовъ, — говорилось въ немъ, — ...должно выразиться прежде всего въ созваніи Народнаго Собранія изъ выборныхъ представителей свободнаго народа. Собрание это само опредѣлитъ новый общественный строй нашего свободнаго отечества" (1).

На всемъ протяженіи наиболѣе бурныхъ десятилѣтій XIX-го вѣка — 60-хъ и 70-хъ годовъ, почти вплоть до самаго ихъ конца, — политическая идеологія русскаго общества не возвысилась надъ приведенными выше извлеченіями изъ малозначительныхъ листковъ и прокламацій. Этотъ фактъ становится тѣмъ болѣе поразительнымъ, что онъ во времени совпадаетъ съ другимъ. Именнно въ это время русская общественность выдѣлила цѣлую плеяду первоклассныхъ вождей и умовъ: Добролюбова, Чернышевскаго, Герцена, Бакунина, Лаврова, Михайловскаго. Каждый изъ нихъ былъ властителемъ думъ и чувствъ своихъ современниковъ. Каждый изъ нихъ стремился сдѣлать свой народъ свободнымъ и счастливымъ. И всѣ они болѣе или менѣе одинаково оказались далеки идеямъ политической свободы.

Индивидуальныя свойства, различія въ темпераментахъ, въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, въ приложениіи силъ — нивелировались въліяніемъ господствовавшаго настроенія. Это настроеніе, безраздѣльно вла-

1) Тамъ же. — Стр. 92.

дѣвшее передовыми умами Россіи и частично захватившее всю Европу, нѣкоторыми своими чертами близко совпадаетъ съ переживаемымъ нынѣ, въ связи съ мировой войной. Передовые люди того времени искренне и глубоко вѣрили и убѣждали другихъ въ истинности своей вѣры въ то, что въ ближайшемъ же будущемъ неизбежна социальная революція и съ ней вмѣстѣ — осуществленіе социализма. Эта вѣра создавала и соотвѣтственное хилиастическое настроеніе. Твердая увѣренность въ близкомъ концѣ, ожидающемъ всѣ политическія учрежденія, независимо отъ ихъ формъ и основаній, — исключала всякую надобность въ проповѣди политическаго освобожденія, не только какъ самоцѣли, но даже какъ пути и средства къ грядущему всестороннему освобожденію.

Авторъ "Словаря иностранныхъ словъ", Кирилловъ-Петрашевскій полагалъ, что конституція — "это хваленое правленіе—не что иное, какъ аристократія богатства". Самый тотъ фактъ, что русскій народъ "остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи", которая по мнѣнію Герцена, высказанному въ 1851 году (1), "дошла въ социализмъ до самоотрицанія", самая отсталость Россіи въ политическомъ развитіи признавалась ея "счастьемъ", ея заслугой и достоинствомъ, обеспечивающими именно ей возможность достигнуть социализма болѣе быстро и безболѣзненно. "Счастье наше, — писалъ Добролюбовъ, — что мы позднѣе другихъ народовъ вступили на поприще исторической жизни" (2). "Какъ бы широко и, повидимому, либерально ни развивалось госу-

1) «Русскій народъ и социализмъ.» (Письмо къ Мишле) — Сочиненія А. И. Герцена. — Т. V, стр. 199. Ср. у В. Богучарскаго: «Активное пародничество семидесятыхъ годовъ,» стр. 14, 19 и 20.

2) Сочиненія Н. А. Добролюбова. — Т. 3, стр. 187.

дарство, хотя бы достигло самых крайних демократических формъ, все-таки оно, государство, есть начало неволи, внѣшняго принужденія... Ложь лежитъ не въ той и не въ другой формѣ государства, а въ самомъ государствѣ,—какъ идеѣ, какъ принципѣ... Государство, какъ государство, — есть ложь... Славянскіе народы, русскій народъ по преимуществу, есть народъ негосударственный“ (1).

Такъ писалъ въ 1856 г., не анархистъ и атеистъ Бакунинъ, а отецъ и вождь славянофильства, ревнитель православнаго благочестія и російской самобытности Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Неудивительно послѣ этого, что "бакунинцы", "марксисты", "ткачевцы", "лавристы", "нечаевцы" и т. д., невзирая на всѣ свои расхожденія и взаимные попреки,—сходились на одномъ—на враждебномъ отношеніи ко всякой государственности. Въ "политикѣ" они видѣли опредѣленное зло и всѣ свои чаянія возлагали на социальную революцію, необходимую для обезпеченія свободнаго развитія личности и общества, какъ думали одни, — для обезпеченія развитія производительныхъ силъ, — какъ находили другіе.

"Самый фактъ замѣны самодержавнаго правительства, конституціоннымъ, фактъ "передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки", какъ выражаются либералы, совершенно безразличенъ для социалстовъ", — заявляя "органъ русскихъ революціонеровъ", "Начало" (2). Если послѣ февр. революціи даже для Маркса и Энгельса, — основоположниковъ такъ называемаго научнаго социализма, "не могло быть ни-

1) Сочиненія К. С. Аксакова. — М. 1889. — Т. 1, изданный подъ редакціей И. С. Аксакова, стр. 241 — 242.

2) См. «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ.» — Русская Историческая бібліотека, № 3. — Первое приложеніе къ сборникамъ «Государственные преступленія въ Россіи,» изд. подъ ред. В. Базилевскаго, Paris, 1903. — Стр. 88.

какого сомнѣнія, что наступило время великой, рѣшающей борьбы и что эта борьба будетъ составлять одинъ сплошной, долгій и полный перемѣнъ, революціонный періодъ“ (1); если Бебель въ началѣ семидесятыхъ годовъ могъ публично, въ рейхстагѣ заявить, что нѣмецкіе социалисты надѣются “осуществить всю свою программу еще до наступленія XIX вѣка“, — приходится ли удивляться Лаврову, приводившему въ 1876 году “математическія“ доказательства грядущей социальной революціи въ Россіи? Или Михайловскому, писавшему въ 1874 г.: “борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня сгнѣта, и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже“? (2). И даже позднѣе, въ 1879 г., по свидѣтельству собесѣдника, “горячо настаивавшему, что политической реформой воспользуются только привилегированные классы и при томъ во вредъ народной массѣ“ (3).

Въ такого рода психологической атмосферѣ, естественно, не было мѣста идеѣ Учредительнаго Собранія. Она не выпала изъ сознанія русской общественности того времени. Она по просту въ немъ не умѣщалась. За весь этотъ періодъ лихорадочныхъ поисковъ путей и средствъ общественнаго переустройства только случайно былъ оброненъ самый терминъ: Учредительное Собраніе. По ироніи судьбы, то былъ Бакунинъ, мимоходомъ употребившій его въ статьѣ “Политика

1) См. «Введеніе» Фридриха Энгельса къ «Классовой борьбѣ во Франціи отъ 1848 до 1850 гг.» Карла Маркса. Стр. vii. — Это введеніе, посвященное изложенію того, какъ и почему «исторія не оправдала ожиданій» Маркса и Энгельса, написано послѣднимъ въ мартѣ 1895 г.

2) Цит. по В. Богучарскому: «Активное Народничество семидесятыхъ годовъ.» — Стр. 121. — См. также стр. 94 и 118.

3) См. въ сборникѣ статей «Памяти Виктора Александровича Гольцева» подъ ред. А. А. Кизеветтера. — М. 1910. — Стр. 107—108.

Интернационала „, напечатанной въ „ Egalité “ за 1869 годъ и приведенной въ русскомъ переводѣ въ книгѣ „Историческое развитіе Интернационала“, стр. 62-63, въ 1873 г. (1). Здѣсь, насколько намъ извѣстно, впервые въ исторіи развитія политическихъ идей въ Россіи получило литературное выраженіе это основное и элементарное понятіе.

Если анархисту Бакунину суждено было впервые назвать по имени Учредительное Собраніе, то либералу — ветерану земскаго конституціонализма И. И. Петрункевичу — суждено было впервые включить созывъ Учредительнаго Собранія, какъ опредѣленное политическое требованіе, въ число „Ближайшихъ задачъ земства“.

Подъ такимъ именно заглавіемъ составлена была И. И. Петрункевичемъ небольшая брошюра „ въ надеждѣ вызвать движеніе въ широкихъ кругахъ общества въ пользу реформы государственнаго строя “, какъ то формулировалъ И. И. въ своихъ недавнихъ письмахъ (ко мнѣ отъ августа 1919 г.). Авторъ брошюры, рекомендуя себя „стоящимъ близко къ земскому дѣлу и отличающимся подобающею консервативностью“, „никакъ не можетъ согласиться“ съ той постановкой вопроса, которую ему придало общество въ связи съ растерянностью правительства послѣ убійства шефа жандармовъ ген. Мезенцева въ 1878 г. Направленная противъ „пошлыхъ, униженныхъ, вполне ничтожныхъ“ адресовъ, въ частности, харьковскаго и полтавскаго земствъ, — брошюра выразительно подчеркиваетъ, что „мы не должны быть фигурантами въ конституціонной комедіи, а, отвергнувъ всякую конституцію, данную сверху, будемъ настаивать на созывѣ Учредительнаго Собранія“.

1) См. В. Богучарскаго: «Активное Народничество семидесятихъ годовъ». — Примѣч. къ стр. 83.

Въ сочиненіи М. П. Драгоманова "Земскій либерализмъ въ Россіи", — (1858-1883)", — (а не "Либерализмъ и земство въ Россіи", какъ неточно называетъ В. Я. Богучарскій) (1), вышедшемъ въ 1888 г., (а не въ 1889 г., какъ указываетъ Богучарскій), — Драгомановъ рассказываетъ исторію печатанія брошюры "Ближайшія задачи земства, съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губернскаго земства на правительственное обращеніе". Брошюра эта "не увидѣла свѣта, потому что галицкая администрація арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе, и захватила самую брошюру... Это было причиною, почему статья "Ближайшія задачи земства" напечатана была только въ 1883 году въ № 56 "Вольнаго Слова", когда — только! — намъ былъ доставленъ единственный спасенный экземпляръ ("Земскій голось изъ недавняго прошлаго") (2). Въ предисланныхъ отъ редакціи "Вольн. Слова" строкахъ мы находимъ указаніе, что печатаемая ею брошюра "и до сихъ поръ пребываетъ подъ спудомъ, если уже не уничтожена" австрійскимъ правительствомъ ("Вольное Слово", № 56, стр. 4).

Описаніе Драгоманова нѣсколько противорѣчиво. Ибо "спасти", хотя бы въ "единственномъ экземплярѣ" то, что "не увидѣло свѣта", конечно, врядъ ли возможно. И законно недоумѣніе, съ какого текста перепечатывалъ Драгомановъ статью въ "Вольномъ Словѣ"? Въ письмахъ И. И. Петрункевича недоумѣніе разъясняется слѣдующимъ образомъ: "Мнѣ кажется, можно признать только одно изъ двухъ: при арестѣ того лица, которому мною было поручено печатаніе брошю-

1) «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. — Партія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьбы и гибель». — М.-1912. — Стр. 413 Примѣч.

2) «Земскій Либерализмъ въ Россіи. — (1858 — 1883).» — Загран. изданіе. 1888 г. — Стр. 37.

ры, ему удалось спасти брошюру, которая впоследствии была передана въ рукописи Драгоманову; либо, что мнѣ представляется болѣе достовѣрнымъ, т. к. мнѣ было сообщено объ арестѣ отпечатанной брошюры въ скоромъ времени послѣ этого,—что брошюра была дѣйствительно отпечатана и арестована въ типографіи, гдѣ уцѣлѣлъ одинъ экземпляръ, который и былъ переданъ Драгоманову. Это совершенно естественно, т. к. брошюра печаталась въ Львовѣ, гдѣ у Драгоманова было много связей“.

Какъ бы исторически ни было интересно выяснитъ подробности появленія въ печати "Ближайшихъ задачъ земства", политическаго значенія это имѣть не можетъ. Самая брошюра не получила никакого распространенія; а "Вольное Слово", напечатавшее ее спустя нѣсколько лѣтъ, какъ "Земскій голосъ изъ недавняго прошлаго времени", скорѣе въ историческихъ цѣляхъ, — широкаго распространенія въ Россіи, по свидѣтельству И. И. Петрункевича, также не имѣло.

Идея, высказанная въ русской политической литературѣ И. И. Петрункевичемъ раньше другихъ, дошла до общественаго сознанія только тогда, когда она уже утратила черты оригинальности, принявъ форму, по его же собственному выраженію, "перевернутой страницы историческихъ матеріаловъ". Эта идея не оказала никакого вліянія на политическую идеологію близкой автору земской среды. Идея Учредительнаго Собранія, была совершенно чужда практическимъ устремленіямъ земцевъ семидесятыхъ годовъ. Ниболѣе "крайнимъ" выраженіемъ земскаго конституціоннализма той эпохи, по справедливости, считается мнѣніе черниговскаго губернскаго земства, которое, какъ извѣстно, вызвало даже спеціальныя преслѣдованія со стороны правительства по отношенію къ автору "мнѣнія" — тому же И. И. Петрункевичу. Между тѣмъ по своему содержанію "мнѣ-

ніе“ было совершенно невинно и лишено всякаго положительнаго политическаго содержанія. ”Думать, что идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей“, заявляло земство черниговской губерніи и ”съ невыразимымъ огорченіемъ констатировало свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ“, о чемъ и ”считало своимъ гражданскимъ долгомъ довести до свѣдѣнія правительства“ (1).

Идея народоправства и Учредительнаго Собранія получила яркое выраженіе и сравнительно широкое распространеніе съ образованіемъ Партіи ”Народной Воли“. Липецкій съѣздъ въ іюнѣ 1879 года является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи не только методовъ революціонной борьбы въ Россіи, но и содержанія политической идеологіи. На состоявшемся сейчасъ же послѣ липецкаго съѣзда съѣздъ въ Воронежѣ новое въ революціонномъ и социалистическомъ движеніи теченіе одержало рѣшительный верхъ. Политическая борьба была формально признана совмѣстимой съ задачами и идеалами социализма.

”Народная Воля“ вышла изъ Общества ”Земля и Воля“. Громадное большинство народовольцевъ были раньше землевольцами. За всѣмъ тѣмъ народовольчество, идя навстрѣчу духу времени и практическимъ нуждамъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ явилось антитезой народничеству шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

”Народная Воля“ умѣла доходить до читателя, она привлекала вниманіе и друзей, и враговъ. Ея слова, какъ и дѣла, импонировали и имѣли широкой резонансъ. Народовольцы пріяли идею Учредительнаго Собранія,

---

1) См. «За сто лѣтъ (1800 — 1893). — Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи.» — Составилъ Вл. Бурцевъ. — 1897. — Часть I, стр. 144 и 146.

формально включили ее въ свою программу и въ мѣру своего разумѣнія защищали ее. И черезъ "Народную Волю", которая заняла авансцену русскаго революціоннаго движенія съ перваго же момента своего образования, т. е. съ осени 1879 г., идея Учредительнаго Собранія дошла до сознанія сравнительно широкихъ круговъ русскаго общества, сдѣлавшись въ послѣдствіи традиціонной для всѣхъ революціонныхъ и социалистическихъ программъ.

Въ первые мѣсяцы образования "Народной Воли" обоснованіе цѣлесообразности Учредительнаго Собранія носитъ еще условный характеръ. "Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, — читаемъ мы въ № 2 "Соціально-революціоннаго Обозрѣнія" "Народная Воля" отъ 1 октября 1879 г., — что... составляется самостоятельно или по приглашенію правительства Учредительное Собраніе, снабженное приговорами своихъ избирателей (вродѣ *Cahiers* въ *Assemblée Constituante*). Въ этомъ собраніи 90 0/0 отъ крестьянъ и, — если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью, — отъ партіи. Что можетъ постановить такое Собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній" (1).

Съ момента окончательной формулировки народо-вольческой программы, опубликованной впервые въ № 3 "Народной Воли", 1 января 1880 г., — аргументація въ пользу Учредительнаго Собранія теряетъ свою условность и предположительность. Доводы въ пользу правомѣрности и цѣлесообразности Учредительнаго Собранія подкрѣпляются доказательствами его необходимости.

---

1) См. Сборникъ «Литература социальна-революціонной партіи «Народной Воли.» — 1905. — Стр. 81.

"Мы полагаемъ, — гласила такъ называемая "Программа Исполнительнаго Комитета," — что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма правленія народной воли, но единственно въ настоящее время возможная на практикѣ, и мы считаемъ нужнымъ поэтому остановиться именно на ней. Такимъ образомъ наша цѣль: отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію, составленному, какъ сейчасъ сказано, которое должно пересмотрѣть всѣ наши государственныя и общественныя учрежденія и перестроить ихъ согласно инструкціямъ своихъ избирателей" (1).

И отдѣльные народовольцы, и Исполнительный Комитетъ партіи пользуются отнынѣ всякимъ поводомъ публично исповѣдовать свою новую вѣру передъ правительствомъ и обществомъ. Въ первой же прокламаціи, выпущенной Исполнительнымъ Комитетомъ 22 ноября 1879 г. по поводу раскрытаго покушенія на линіи московско-курской желѣзной дороги, говорилось: "Если бы Александръ II..., отказавшись отъ власти, передалъ ее Всенародному Учредительному Собранію, избранному свободно посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, снабженному инструкціями избирателей, — тогда только мы оставили бы въ покоѣ Александра II и простили бы ему всѣ его преступленія" (2). 7 февраля 1880 г. въ прокламаціи по поводу взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ Исполнительный Комитетъ повторилъ свою угрозу: "Объявляемъ еще разъ Александру II, что эту

1) Тамъ же. — Стр. 163 и 164. — Пункты 2 и 3 лит. В. «Программы».

2) «Да здравствуетъ Народная Воля!» — Историческій сборникъ, № 1. — Paris, 1907. — Стр. 4.

(вооруженную) борьбу мы будемъ вести до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей власти въ пользу народа, пока онъ не предоставитъ общественное переустройство Всенародному Учредительному Собранію, составленному свободно, снабженному инструкціями отъ избирателей“ (1). То же требованіе раздается изъ устъ Квятковскаго на процессъ „шестнадцати“ (въ октябрѣ 1880 г.) (2); въ частномъ письмѣ Желябова къ Драгоманову (май 1880 г.) (3); и, наконецъ, въ заключительномъ аккордѣ „Народной Воли“ — въ Письмѣ Исполнительнаго Комитета Александру III (10 марта 1881 г.) (4).

Въ этомъ, справедливо называемомъ политическомъ завѣщаніи, оставленномъ „Народной Волей“ послѣдующимъ революціоннымъ поколѣніямъ, Исполнительный Комитетъ „не ставитъ, а только напоминаетъ“ о тѣхъ условіяхъ, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой“, и которыя „поставлены исторіей“. Наряду съ „общей амністіей по всѣмъ политическимъ преступленіямъ“, вторымъ условіемъ Комитетъ считаетъ „созывъ представителей отъ всего русскаго народа (Народнаго Собранія) для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни, и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями“.

Народовольцы нерѣдко употребляли выраженія Земскій Соборъ и Народное Собраніе, какъ равнозначныя съ Учредительнымъ Собраніемъ. И П. Л. Лавровъ, составившій для „Календаря Народной Воли“ на 1883

1) Тамъ же. — Стр. 5.

2) «За это лѣтъ.» — Стр. 182.

3) «Было.» — Журналъ, посвященный исторіи освободительнаго движенія. — СПб. 1906. № 3. — Стр. 73—74.

4) Тамъ же. — Стр. 36—37.

годъ статью "Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго социализма", имѣлъ, конечно, основаніе сказать, что въ Письмѣ къ Александру III Исполнительный Комитетъ требовалъ созыва Учредительнаго Собранія. Это, съ формальной стороны, неправильное утверженіе получило, чрезъ Лаврова, широкое распространеніе и удержалось до нашихъ дней: его не разъ повторяетъ, на примѣръ, такой знатокъ общественнаго движенія Россіи, какимъ несомнѣнно является авторъ "Исторіи російской социаль-демократіи" и редакторъ многотомнаго "Общественнаго движенія въ Россіи въ началѣ XX вѣка" Л. Мартовъ (1).

Смѣшеніемъ идей и терминовъ Учредительнаго Собранія и Земскаго Собора грѣшили не одни только народовольцы. Черезъ три съ половиною десятилѣтія люди другого поколѣнія пытались выдать за Учредительное Собраніе то, что и отдаленнымъ образомъ не представляло изъ себя верховный органъ народной воли, а что ближе всего совпадало съ традиціоннымъ представленіемъ о земскомъ Соборѣ съ высочайшаго соизволенія государя императора, обеспечивающемъ народу только "миѣніе", а "власть" — царю. Смѣшеніе понятій и терминовъ, практиковавшееся въ нынѣшнемъ столѣтіи, вызывалось явно политическими соображеніями; къ нему побуждали мотивы тактическіе. Причина же сбивчивости "Народной Воли" — въ новизнѣ самого предмета, въ недостаточной политической опытности и юридической зрѣлости тѣхъ, кому приходилось вырабатывать свою программу "подъ грохотъ динамитныхъ взрывовъ", кому въ процессѣ "борьбы на смерть" приходилось согласовывать свою теорію съ практикой.

Къ сожалѣнію, сбивчивость народовольцевъ не только

1) См., наприм., «Искра.» — Центральный Органъ Россійской Соціально-демократической Рабочей партіи. — «За два года.» — Изд. С. Н. Салтыкова. — СПб. — Стр. 202.

терминологического порядка, но и въ самомъ существѣ тѣхъ новыхъ идей, которыя они несли съ собой. "Народная Воля" рѣшительно и опредѣленно признала необходимость политическаго переворота. Это было ея заслугой и громаднымъ шагомъ впередъ по пути развитія общественнаго самосознанія и движенія въ Россіи. Но какъ произойдетъ самый переворотъ; что въ этомъ отношеніи желательно; къ чему стремиться — къ заговору и захвату власти "революціоннымъ меньшинствомъ" или къ революціи, совершаемой большинствомъ народа, хотя бы и несущей въ себѣ рискъ менѣе крупныхъ, но за то болѣе прочныхъ достижений, — на этотъ вопросъ "Народная Воля" не имѣла опредѣленнаго отвѣта. Здѣсь ея идеологія двойственна, въ ней всегда можно различить два мотива, не сливающиеся во внутренней гармоніи, а оспаривающіе другъ друга.

Народовольцы не могли не быть сторонниками народной революціи, ибо они вышли изъ "народничества" и оставались народниками. Ихъ прежняя вѣра въ социалистическіе инстинкты трудового народа оставалась непоколебленной. Они предполагали, что въ будущемъ Учредительномъ Собраніи "90 0/0" окажется сторонниковъ "полнаго переворота всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній". Но въ то же время народовольцы несомнѣнно были заговорщиками. Ихъ толкала къ тому окружающая обстановка. Массы не обнаруживали склонности возставать, а власть исключала возможность открытой пропаганды и широкаго движенія. Отсюда характерная обмолвка Желябова, въ письмѣ къ Драгоманову, о томъ, что "Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только Ликвидационная Комиссія"; отсюда колебанія между надеждой на "добровольное обращеніе Верховной власти къ народу", на соглашеніе съ ней путемъ "легализаціи Верховной власти" (Письмо къ Александру III), и требованіемъ пере-

дать власть "въ пользу народа" подъ угрозой "борьбы на смерть съ представителями современнаго государства" (прокламація 7 февраля 1880 г.); отсюда неувѣренность, что дѣлать послѣ захвата власти: ликвидировать ли только царя и его правительственный аппаратъ или вмѣстѣ съ тѣмъ и "разрушить всю государственную машину", — "устранить государство, и народъ устроится, можетъ быть, лучше, чѣмъ мы даже можемъ надѣяться" ("Воля Народа" № 2); отсюда, наконецъ, рѣшительный поворотъ въ сторону "захвата власти", совпадающій по времени съ упадкомъ революціоннаго движенія и съ закатомъ "Народной Воли".

Въ февралѣ 1882 г. въ № 8-9 "Народной Воли" появилась передовая статья, обнаружившая всю мѣру неустойчивости идеологическихъ достижений народовольчества. Въ ней говорилось, что въ случаѣ отсутствія социально-революціонной инициативы у самого народа "временное революціонное правительство, рядомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, рядомъ съ установленіемъ новыхъ политическихъ учреждений, производитъ экономическій переворотъ: уничтожаетъ право частной собственности на землю и на орудія крупнаго производства. Тогда на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа, освободительнаго политически и экономически, и народная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею" (1).

Здѣсь вмѣстѣ съ терминомъ Учредительнаго Собранія исчезло безъ остатка и существо самой идеи. Представленія объ Учредительномъ Собраніи, какъ о верховномъ органѣ, вышедшемъ изъ политическаго переворота, обладающемъ всей полнотою власти и начинающемъ собою новый порядокъ и новую правовую

---

1) См. «Литература социально-революціонной партіи «Народной Воли». — Стр. 495.

эру, — какъ не бывало. Вывѣтрилась самая мысль о подчиненномъ положеніи революціоннаго правительства, временно дѣйствующаго по полномочію народной воли. Временное правительство превратилось въ главный дѣйствующій органъ, имѣющій при себѣ "Земскій Соборъ".

На закатѣ революціоннаго движенія девятнадцатаго вѣка политическая идеологія возвращается вспять, къ уровню развитія 70-хъ, 60-хъ, даже 20-хъ годовъ. Такое "вѣчное возвращеніе" можно отмѣтить на всемъ протяженіи того пути, который пришлось сдѣлать политическому самосознанію Россіи, вплоть до роковыхъ 1918 и 1919 годовъ, когда сдѣлана была практическая попытка воплотить въ жизнь якобинскій планъ.

Было бы одностороннимъ судить о народовольческой идеологіи по ея литературному выраженію эпохи упадка. Несомнѣнно, однако, что эта идеологія была двойственна: исходя изъ двухъ различныхъ основаній, она приводила и къ двумъ различнымъ рѣшеніямъ. Народовольчеству не дано было стать на почву принципиальнаго и безповоротнаго признанія послѣдовательнаго демократизма. И въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ В. Я. Богучарскимъ, который говоритъ, что "народовольцы даже въ лицѣ своихъ такихъ замѣчательныхъ не только дѣятелей, но и мыслителей, какимъ былъ Желябовъ, не справились съ задачей синтеза "соціализма" и политической борьбы" (1).

Но было бы искаженіемъ исторической перспективы и по существу неправильнымъ, сопоставляя идеологію народовольцевъ—особенно, періода расцвѣта—съ идеологіей ихъ преемниковъ — особенно, ближайшихъ, —

---

1) «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка». — Стр. 468 - 469

эпохи 83-87 годовъ, — сдѣлать выводъ, который сдѣлалъ Богучарскій, заявившій, что "задачу эту разрѣшили лишь первые русскіе социалдемократы, Г. В. Плехановъ и его "Группа Освобожденія Труда".

Достаточно привести всего нѣсколько иллюстрацій, чтобы показать неизгладимую близость и духовное родство, связывавшее эпигоновъ "Народной Воли" съ эпигонами "Чернаго Передѣла" и заставлявшее и народниковъ, и марксистовъ 80-хъ годовъ, несмотря на всѣ ихъ принципиальныя расхожденія, относиться одинаково горячо къ началу захвата власти.

Въ извѣстной, почти "составившей эпоху", брошюрѣ "Соціализмъ и политическая борьба", появившейся въ 1883 г., Г. В. Плехановъ неоднократно подчеркиваетъ: "Мы не принадлежимъ къ числу принципиальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собою послѣдній и при томъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію". И въ полномъ соотвѣтствіи съ такой точкой зрѣнія Плехановъ солидаризируется, какъ съ "совершенно справедливымъ", со взглядомъ, высказаннымъ въ № 8-9 "Народной Воли", относительно возможности экономического переворота, совершаемаго временнымъ революціоннымъ правительствомъ "ранѣ созыва Учредительнаго Собранія". "Лишь въ такомъ переворотѣ, — думаетъ Плехановъ, — гарантія того, что на созданный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа". Единственное, что отличаетъ бывшаго "чернопредѣльца", ставшаго отцомъ русск. марксизма, отъ современныхъ ему народовольцевъ, это довольно голословное утвержденіе, что "диктатура класса, какъ небо отъ зем-

ли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ раз-
ночинцевъ“ (1).

“Программа социаль-демократической группы “Ос-
вобожденія Труда“ 1884 г., ни словомъ не упоминая
объ Учредительномъ Собраніи, считаетъ возможнымъ
“уже теперь предсказать уничтоженіе важнѣйшаго изъ
органовъ хронической борьбы внутри общества —
именно государства, какъ политической организациі,
противостоящей обществу и охраняющей, главнымъ
образомъ, интересы его господствующей части“. Нако-
нецъ, “Проектъ программы русскихъ социаль-демокра-
товъ“ 1887 г., чрезвычайно въ общемъ близкій къ пре-
дыдущей “Программѣ“, свободенъ, правда, отъ его
“предсказаній“, но содержитъ въ себѣ слѣдующій те-
зисъ: “неизбѣжнымъ предварительнымъ его (освобо-
жденія рабочихъ) условіемъ является захватъ рабочимъ
классомъ политической власти въ каждой изъ соотвѣт-
ствующихъ странъ“.

Этому тезису суждено было стать символомъ вѣры
русскихъ марксистовъ. Онъ вошелъ въ ихъ психику,
опредѣлилъ ихъ политическое сознаніе, волю, чувство-
ваніе. Спустя 16 лѣтъ онъ вошелъ и въ официальную
программу російской социаль-демократической рабо-
чей партіи.

Чтобы по достоинству и исторически справедливо
оцѣнить то разрѣшеніе “задачи синтеза социализма и
политической борьбы“, которое дали “первые русскіе
социаль-демократы, Г. В. Плехановъ и его “Группа Осво-
божденія Труда“, нельзя упускать изъ виду, въ частно-
сти, и ту разновидность какъ ни какъ “русскихъ социаль-
демократовъ“, которая попыталась вмѣстить и “небо“,
и “землю“ — диктатуру класса сочетать съ диктату-

---

1) «Библиотека современнаго социализма.» — Выпускъ пер-
вый. — Женева. — Типогр. группы «Освобожденія Труда.» —
Стр. 62 и 63.

рой революціонеровъ - разночинцевъ. Провозглашеніе "рабоче-крестьянской диктатуры" чрезъ посредство фактической диктатуры разночинцевъ-коммунистовъ не является ли достаточно яркой иллюстраціей всей искусственности принципиальнаго противопоставленія "захвата власти" классомъ такому же захвату со стороны какой-нибудь группы?

Та несложная философія, которая послужила обоснованіемъ и оправданіемъ захвата власти въ Россіи 25 октября (7 ноября) 1917 г., — исторически имѣеть два идеологическихъ истока, въ равной мѣрѣ ее питавшихъ. Это — народовольчество временъ декаданса, знаменовавшаго возвращеніе къ народническому якобинству 70-хъ и 60-хъ годовъ; и это — марксизмъ эпохи примитивизма, датируемой 60-ми и 70-ми годами на Западѣ и 80-ми годами и вплоть до нашихъ дней — въ Россіи.

Маркъ Вишнякъ.